

Лагутин Вадим

НА ЗАДВОРКАХ

ОДИН артист филармонии, хорошо знающий Вадима Лагутина, сказал о нем: «Вышел в жизнь без оснастки». Пожилой человек, он подразумевал под словом «оснастка» ту сумму общих и специальных знаний, которую должен получить каждый, не зависимо от того — врач он или музыкант, инженер или архитектор. К этому удачно найденному слову надо присовокупить еще один компонент. Я имею в виду нравственные устои каждого, его взгляды на жизнь, то, с чем он идет к людям.

У Вадима Лагутина нет ни должного общего кругозора (всего 8 классов общеобразовательной школы), ни солидной академической музыкальной подготовки (он окончил только музыкальную школу). А что касается его жизненных взглядов, в них помогли разобраться люди, работавшие вместе с ним и составившие твердое мнение о Лагутине-человеке.

В начале 1968 года в Кемерово приехала группа молодых музыкантов из Новосибирска. Через несколько месяцев репетиций появился в филармонии новый музыкальный коллектив, который назвали «Кузбасс-68». Его художественным руководителем стал Лагутин. Уже сейчас, оглядываясь в то недалекое прошлое, ребята из оркестра делают печальный вывод: «Ансамбля никакого не было. Был один Лагутин».

Никто не отрицает, что он стал руководителем в силу своих музыкальных способностей. Но чем выше права, тем серьезнее и обязанности. А руководитель ансамбля мог напиться перед концертом, мог позволить себе опаздывать с выходом на сцену, мог, наконец, форсируя звук, заглушить солиста, что бы только знали: он — всех талантливей, ему позволено все.

В первую гастрольную поездку ансамбль поехал по небольшим населенным пунктам области. Видимо, это было правильно: коллектив молодой, новый. Кто-то понимал это, кто-то был

недоволен. Лагутин возмущался больше всех:

— Я привык к другой жизни!

Это он насчет того, что не всегда приходилось ночевать в гостиницах со всеми удобствами. Чаще всего это были обычные колхозные дома для приезжих с прозаическими рукомойниками и столовыми вместо ресторанов.

«Кузбасс-68» той поры не приносил удовлетворения слушателям, не отвечал требованиям руководителей филармонии. А Лагутина и первые, и вторые глубоко безразличны.

Он считает своей стихией джаз. Вроде и нет в этом ничего плохого. Джаз — популярный нынче жанр искусства, история развития и становления которого насчитывает не одно десятилетие и вершины которого украшают имена Луи Армстронга и Дюка Эллингтона, признанных классиков джаза.

Но не эта музыка интересует Лагутина. Его кумир — та музыкальная макулатура, которую на Западе откровенно называют коммерческой; которая приходит, вызывая нечеловеческие истовства лохматых молодых людей, и проходит, чтобы уступить место новому кумиру беснующейся толпы. Набор звуков, вычурный ритм, а не музыкальная мысль, музыка-чувство.

Виктор Мацуев — гитарист ансамбля «Кузбасс-68», который полностью разделяет музыкальные вкусы Лагутина, так определяет различие нашей советской музыки и той, западной, приверженцем которой он является.

— У нас (то есть в советской эстрадной музыке — Ю. Ф.) на первом месте идея, слова, а на втором — музыка. У них на первом — музыка.

Каков же вывод? Очень простой: музыка должна влиять больше на ноги людей, чем на их души и сердца. Стронников такого взгляда раздражает передачи радио о выдающихся певцах, исполнителях народных американских песен и современных песен протеста Джоан Бааз, Пите Сигере и многих других. Людей, для которых музыка, песня являются оружием, формой выражения протеста против бесчеловечных условий жизни негров в Америке, против рвущихся в джунглях напалмовых бомб, они ставят куда ниже, чем канувших в Лету королей «рок-н-ролла» и «йе-йе» Элвиса Пресли, Джонни Холлидея и других «творцов» новомодных наборов звуков.

Как-то предложили Лагутину подготовить для ансамбля одну из песен Туликова.

— Туликова играть не будем!

По его твердому убеждению, советская песня приобретает настоящее звучание только тогда, когда ее аранжируют на Западе, «припудрят» на свой, черусский манер.

Лагутин и сам перекраивает песни по-своему, сдабривая их услышанными по разным «голосам» модными музыкальными «украшениями». Все это продолжалось до тех пор, пока молодежь одного из кемеровских заводов, лобивавшая на концерте ансамбль, в письме не попросила прекратить эти трюкачества. Пришлось прокинуть «Кузбасс-68».

Сейчас, вспоминая о том концерте, Лагутин недоумевает:

— Я же хотел, как лучше! Я же понимаю — идейную затравку надо дать.

В качестве «идейной затравки» Лагу-

тин предлагал «Полюшко-поле», «Комсомольцев-добровольцев», а потом свес — музыку, которая, по его выражению, «не мешает жить».

Музыка, которая не мешает жить... Может ли человек еще хуже сказать о своем деле? Можно ли превращать в бессмыслицу то, что всегда помогает нам и жить, и строить!

Музыка, которая не мешает жить, — это полнейшее отсутствие убеждений, связи с тем обществом, в котором живет Лагутин, к которому пытается приспособиться, лицемерно предлагая «идейную затравку».

Западные социологи установили, что каждый новый эстрадный «идол» не сет вместе с новой ритмикой и новую прическу, и новую моду одежды, и новые взгляды. Создается своего рода микроформа существования.

В своей форме существования Лагутин более устойчив. Пьянки, дебоши, скандалы в гостиницах с оскорблениями людей, которые пытаются урезонить расхитившегося юнца. И еще — деньги. Нет, не те, что положены, как плата за выступления, а другие, связанные с куплей, продажей и перепродажей.

В «Кузбассе-68» Лагутина называли «абы выпадай». Он мог купить какое-нибудь новое музыкальное приспособление и перепродать товарищу втридорога, пока тот поймет, что его надули. В окружении Лагутина так принято. Леонид Песковский, тоже музыкант, уже долгое время нигде не работающий, пытался как-то продать Лагутину купленный у иностранного специалиста, работающего в Кемерове, глянцевый магнитофон. Песковский просил 600 рублей. Но Лагутина на мякине не

проведешь. Он справился у иностранца, перевел названную сумму из долларов в рубли (делает он это безупречно), и Песковский остался с носом.

Песковские и лагутины уважают коммерческую жилку. Магнитофон у иностранца купить можно, а жевательную резинку, шариковую авторучку, зажигалку — это можно и выпросить, слезно сетуя: «У нас такого нет».

Сергей Поспелов, саксофонист из «Кузбасса-68», стал на время скорняком. Ну чего не сделаешь, если за медвежью шкуру иностранец обещал кучу барахла?

Лагутин сразу установил с зарубежными специалистами, около которых увивается, джентльменские отношения:

— Будем друзьями...

Ну, а если засмеется иностранец, потешно коверкая русские слова: «Кемерово — это деревня», почему бы не подержать и не поржать вместе — Кемерову от этого хуже не станет.

Сейчас Лагутин руководит оркестром в кемеровском ресторане «Кузбасс». Он каждый вечер играет там. Если вам придется побывать в ресторане, а оркестр там будет надсадно исторгать звуки, мешая поговорить с другом, спокойно отдохнуть, то значит Лагутин остался Лагутиным. Он сейчас играет не для вас, а для себя, репетируя новую программу, с которой собирается перебраться туда, где больше платят. И будет обязательно начинать с «идейной затравки», усмекаясь про себя: «Разве это музыка, вот там — это да...».

Ю. ФЕДОРОВ